

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Лина БОГДАНОВА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2023

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Б73

Серия основана в 2019 году

Богданова, Л.

Б73 На перекрестках судеб : роман / Лина Богданова. — Минск : Четыре четверти, 2023. — 240 с. — (Серия «Женские судьбы»). ISBN 978-985-581-640-0.

Успешному аналитику Михею Матвееву, много лет работающему за рубежом, посчастливилось взять отпуск и вернуться в Россию. В родном городе волей случая он становится участником частного расследования: на его влиятельных земляков обрушивается масса неприятностей.

Вместе с бывшим сослуживцем майором Борисиком Матвеев обнаруживает, что истоки всех бед кроются в прошлом потерпевших, причастных к трагедии, унесшей жизни двух человек. Остается выйти на удивление изворотливого и коварного мстителя.

При более близком знакомстве с подробностями дела Михей ощутил непреодолимую симпатию к одиночке, бросившей вызов высоким чинам.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-640-0

© Богданова Л., 2023
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

«Конец — это чье-то начало»

В. Высоцкий

Сентябрь 2005. Минск

Бессмысленный взгляд наткнулся на зеркало. И застыл, цепко исследуя отражение. Или его отсутствие. Да, именно отсутствие. Ее не стало около трех месяцев назад. Восемьдесят семь дней и два часа невыносимого одиночества и боли. Так чему удивляться?

Из зазеркалья затравленным мороком-зверем смотрела незнакомая старуха. Изможденное лицо, погасшие глаза, спутавшиеся седые пряди, тяжелый, пронизывающий взгляд...

«Это все, что осталось. К чему? Да совершенно ни к чему! Кому может понадобиться такое вот абсолютно несчастное, вызывающее брезгливость страшилище? Разве что детей пугать...

Детей... бедные дети! Они ни в чем не виноваты, а отвечают за чужие грехи наравне со взрослыми».

— Нет!!! Только не о детях!

Уродка отпрянула от зеркала и понеслась в угол палаты, роняя табуретки и разбрасывая по сторонам все, что попадалось на пути.

— Сестричка! Новенькой плохо! — тоненьким жалобным голоском заверещала лежащая в злополучном углу бабулька, прикрываясь подушкой от несущегося прямо на нее торнадо. — Спасите! Помогите! Убивают!

— Кто убивает? — в палату ворвалась дежурная сестра. — А, снова эта... А еще в положении. Стыдно, дамочка! Поимели бы совесть...

— Ой, не могу, еще и в положении! — прыснула с крайней от входа кровати тучная женщина в средних летах с бигуди на

макушке. — Нет, наши мужики вааще с катушек сорвались! Тут всю жизнь стараешься для них, стараешься. И что? Ноль по фазе! Не был, не состоял, не участвовал. Так старой девой и помрешь! А некоторые... ишь, в преклонных годах залетают! Ну, никакой справедливости!

— Эй, вы, больная Легкоступова, прекратите издеваться над другими пациентами! — мимоходом переключилась на нее медсестра. — Здесь случай тяжелый, понимать надо.

— Мне бы такой тяжелый случай! — огрызнулась больная Легкоступова. Но издеваться перестала.

— Успокойтесь, Османова! Вам нельзя волноваться. Прилягте вот... Я сейчас доктора позову. Он посмотрит, может, разрешит укольчик вам внеплановый сделать... Давайте помогу лечь...

«Османова? Почему? Видимо, мама посчитала, что так будет безопаснее. Но к чему мне безопасность? — пробилась сквозь боль и туман тревога и сменилась безразличием: — Как будет, так будет...»

— Османова? Ах, она еще и Османова! Небось, чеченка! Нет, вы только поглядите! С местными, значит, прекратите издеваться, а с этими — нельзя волноваться! Да они наших парней тысячами в расход пускали! Чего канителишься? Предательница! — возмутилась Легкоступова.

— Лежи уж, — укорила ее соседка. — Какая она тебе чеченка? Чисто русская, одни глаза чего стоят — живые васильки, таких у чечен отродясь не бывало...

— Живые васильки... — не поверила собеседница, однако угомонилась, перешла на шепот. — Может, и были когда живыми, а сейчас — мертвые.

— Видать, натерпелась, девка... — вздохнула бабулька, укрывая соседку одеялом.

— Да какая ж девка? Старуха... — упорствовала Легкоступова.

— Я ж и говорю: натерпелась...

Сестра привела доктора.

— Ну, что тут у нас? — тот присел на краешек кровати. — Мы же договаривались...

— Девочки, на обед! — в дверях показалась голова в поварском колпаке.

— Наконец-то... — простонала Легкоступова, тяжело поднялась и поспешила к выходу. — Сегодня плов обещали, пошли, подруженьки, что ли...

Палата опустела в считанные минуты. Плов в отделении считался деликатесом. Традиционные котлеты порядком надоели обитателям палаты № 6.

— Вот и славненько. Теперь можно и поговорить, — улыбнулся доктор пациентке. — Или Вы предпочитаете плов?

— Лучше поговорим, я не голодна.

— А зря. В Вашем положении...

— Причем здесь мое положение? Вы не первый, кто о нем вспоминает...

Доктор внимательно посмотрел на больную:

— А Вам разве не сказали... там?

— Вы имеете в виду психушку? Разве там могли что-нибудь сказать?

— Если бы Вы позволили...

— Давайте не будем...

— Давайте...

— Итак, что со мной? Рак? Необратимые психические процессы? Что-то еще? Можете не юлить — мне все равно. Моя жизнь кончилась три месяца назад. Почти... Восемьдесят семь дней и три часа... Одним окончательным приговором больше, одним меньше...

— Ну-ну, не стоит бросаться в крайности.

— Бросьте, доктор...

— Даже так? Вы для себя все решили? Тогда, боюсь, моя новость Вас не обрадует.

— Я давно разучилась радоваться. Восемьдесят семь дней...

— ...и три часа назад, помню. Значит, Вы ни о чем не догадываетесь? А должны бы, — доктор взял больную за руку. — Итак, о положении... Вы в положении. То есть беременны. Срок... кхм... недель десять-двенадцать...

Женщина откинулась назад, больно ударившись о металлический изгиб изголовья:

— Издеваетесь? Такого не может быть, понимаете Вы! Никогда... ни за что! Никаких детей!!! Слышите? Никаких!!!

Доктор взял пациентку за руку, кивнул медсестре. Тонкая игла вошла в предплечье почти незаметно. Лишь вмешательство препарата заставило женщину охнуть от боли.

— Тссс... — врач приложил свободную руку к губам. — А теперь спать. Продолжим разговор позже.

— Но как же... — начала было больная. И не закончила. Препарат действовал мгновенно. В ее положении это было самым лучшим выходом.

— Как проснется, приведете ко мне в кабинет. И поменьше распространяйтесь, у нас тут не песочница. А ведь каждая со своей трагедией. Так что не стоит усугублять...

— А я что? — развела руками сестра. — Я ничего. Они сами...

— А про положение тоже сами? Чуть что — переведу к лежачим.

— Но, Александр Маркович...

— Я предупредил...

Ей снилось что-то воздушно-приятное. То ли полет в небесах, то ли купание в вечернем море. Где-то за облаками или волнами туманно вырисовывалось нечто тревожное. Но безопасно далекое. Бог с ним! Пока она доплывет-долетит до опасности та, вполне вероятно, потеряет свою актуальность. Впрочем, плыть не хотелось, хотелось зависнуть и остаться навечно в ласковой теплой стихии. Просто парить, просто качаться, ни о чем не думая. Просто существовать...

«Может, я растение? — лениво текли стороной мысли. — Водяная лилия? Кувшинка? Лотос? Нет, какое там! На лотос я явно не тяну. Какая уж тут экзотика?..»

На прозрачной поверхности отражались облака. Легкие, пушистые, они тянулись за горизонт, унося с собой что-то очень важное. И Бог с ним! Что может быть важнее спокойствия, прохладной неги...

В белоснежных завитках угадывались строения, фигуры, лица... Водная гладь отражала их с четкостью зеркала... До колонн и балкончиков, до волосинок и пуговок, до родных родинок

и веснушек... Нет! Только не веснушки! И не родинки! Никаких ассоциаций! Никаких...

— Прочь! — взревела она, выныривая из сонного морока. — Прочь отсюда!!!

— Проснулась, значит, — послышался из глубин скрипучий голос. — Зовите сестричку...

В унылой комнатухе стоял крохотный столик, два креслица, вешалка с одиноким пальто, белый короб холодильника. На стене чуть перекоилось запыленное зеркало.

«Подойти? Ведь нет никого! Впрочем, можно рассмотреть то, что осталось. Чтобы потом не пугаться собственного отражения».

— А стоит ли? Может, так и уйти, не познакомившись с новым обликом? По-английски. Жалеть-то почти некому. Разве что мама... и он... Неужели? Но как же... и когда...

Она позволила себе слегка слукавить. Каждая женщина совершенно точно знает, когда это случилось. И как...

Потрескавшиеся губы тронула улыбка. Первая за три месяца...

— Ой... — резкая боль прервала терзания.

— Болит? Еще бы... Как это Вас угораздило. Поберегли бы голову-то. Давайте смажем... Где тут у нас бальзамчик?

Пожилой доктор вошел неслышно. И тут же принялся суетиться у холодильника. Переставлял флаконы и коробки, что-то бормотал себе под нос, скрипел дверцей, то и дело поправлял съезжающие очки.

— Доктор, насчет беременности Вы не пошутили?

— С Вами шутить небезопасно, — улыбнулся тот, — так что поостерегусь пока. А Вы порадитесь.

— Чему?

— Ну как же...

— А, Вы об этом... Вряд ли смогу... не к месту все это... не к месту...

— Я думаю иначе. Если, конечно, Вас интересует чужое мнение. Если хотите, это Божий подарок. Своеобразная замена...

— Нет!!!

— Еще раз простите, сглупил... Какая здесь может быть замена?

Доктор смутился, уронил коробочку с бальзамом. Неуклюже присел.

Она отвернулась к окну. Хотелось плакать. Но слез не было. Похоже, закончились в тот проклятый вечер. Ушли прочь. Вместе с верой и надеждой. Смыли любовь. А заодно и смысл жизни. Оставили боль, горечь. И пустоту...

— Еще один укольчик можно... — шепнул доктор из-за спины. — Так надо. Потерпите денек. Потерпите...

«Еще денек. И еще... и снова... Она только и делает, что терпит. А что остается? Ведь живых в могилу не кладут. А умереть...»

— О самоубийстве даже не думай, — шептала мать, укачивая ее, как маленькую девочку, проснувшуюся от затяжного кошмарного сна. — Грех это, а грешники с невинно убиенными на том свете никогда не встречаются. Никогда...

Мудрая мама знала, как уберечь дочь от последнего шага.

И смогла донести до воспаленного сознания это «никогда». О самоубийстве пришлось забыть. Продолжить земное существование. Лишенное ценностей и смысла. Наполненное болью, гневом и чувством вины. Несмываемой, неискупаемой, обостряющейся каждый день, каждую минуту...

— Бог дает нам лишь те страдания, которые мы сможем вынести, — шептала мама, поглаживая поседевшие прядки. — Держись, моя девочка. Держись...

Ах, если бы она могла! Ах, если бы...

И было забвение. Потом взрыв, психиатрическая лечебница. Бокс для буйно помешанных, как говорили санитары. Недели тяжелого медикаментозного забвения. Между ними — приступы боли, гнева, отчаяния, содранные в кровь пальцы, обломанные ногти, сорванный голос. Что-то еще... такое же острое и беспросветное... Теперь вот, этот крохотный кабинет, палата № 6. И пустота...

Нет, не пустота... Никому не нужная беременность... Начало чьей-то жизни... К чему? У нее не хватит сил и чувств, чтобы выносить, родить, вырастить ребенка... Ее ребенка... ЕГО ребенка...

Она поднялась и подошла к зеркалу. Никакого намека. А должен бы... Совершенно ничего не изменилось с момента последнего свидания с отражением. Изможденная старуха. Пустые, глубоко запавшие глаза. Глубокие носогубные складки. Искушенные в кровь, отливающие синевой губы. Обвисшие груди. Впалый живот. Безвольно опущенные руки...

— Это пройдет, — грустно улыбнулся доктор. — Покой. Хорошее питание. Прогулки на свежем воздухе. Вы выдержите. Время — хороший доктор. Это не банальность, десятилетиями проверенная истина...

«Похоже, теперь все улыбки на ее пути будут грустными. А какими они могут быть после жизни, которая осталась там, на узкой больничной койке. Восемьдесят семь дней назад. Плюс восемь часов. Или уже не восемь? Обратный отсчет? Увы... А ей бы хотелось, чтобы он был обратным...»

— Так что? Будем жить? Вы нужны ребенку. У него никого, кроме Вас...

«Меня тоже нет. Я закончилась... Но если так было угодно Богу, продолжусь в чужой жизни. Начну заново. Было бы за что зацепиться... Впрочем, кажется, есть... Как я могла забыть! Господи...»

Доктор смотрел с ожиданием. Милый доктор...

— Будем. Придется... У них никого, кроме меня...

— Ах, да! Я забыл о Вашей маме...

«Я тоже... Не объяснять же, что не о маме она вела речь...»

Итак, отпущенное ей время не кончилось в тот ужасный день. Просто замедлило свое движение. Потянулось густым киселем сквозь частое сито, свисая бесчисленными сосульками, едва заметно расползаясь липкими кисельными лужами по поверхности души.

— Господи! Ну, сделай же что-нибудь! Я просто не выдержу так долго! Я хочу к *ним*, понимаешь?

Нет ответа. Стало быть, ей придется сотни, нет, тысячи лет вволюч неподъемную ношу. Или...

Рай на земле дается лишь избранным

Июнь 2005, Россия, заимка в трехстах километрах от поселка Валюшино, Н*-ской области

— Чем сегодня займемся? Может, начнем с баньки?

— Достал ты всех своей озабоченностью, Санек! Ну сколько можно?!

— А я чего? Я ж просто баньку хотел натопить... — развел руками Санек, Сан Саныч Жук, сорокалетний управляющий делами губернии.

— Ага! Так мы и поверили! Просто баньку! А что к баньке твоей десяток девок прилагается, так это вроде как само собой. Типа веников березовых...

— Да ладно вам, Ерофей Игоревич! Во всем аморалку видите! Чисто рентген!

— Работа у меня такая, Санек! — Ерофей откупорил запотевшую бутылку пива, с наслаждением отхлебнул немного и с чувством запел: — «Работа у нас такая, забота наша простая — была бы страна родная...»

— «...и нету других забот...», а чё, в самую точку! Тебе бы только страна была, а все остальное сам добудешь! — на террасе появилось новое действующее лицо.

Вернее, бездействующее. Какие могут быть действия субботним утром в заповедном уголке Валюшинской пущи? Разве что банька. Или рыбалка. Или купание в речке. Или...

— Привет тебе, привет, Олежек! — обернулся на голос Ерофей. — Чтоб ты знал, революционные песни ко всем нам самое непосредственное отношение имеют.

— Вот именно, что самое непосредственное! Если бы не они, со средствами нам бы ох, как туго пришлось! А так... — Олег Олегович Сапун обвел руками накрытый к завтраку стол, водолазную амуницию, развешенную после вчерашнего дайвинга на перилах террасы, стоящий в тени пихт новенький джип, прочие жизненные удовольствия. — Чем сегодня займемся?

— Санек вон в баньку зовет...

Галина Анатольевна Богдан (Лина Богданова) живет в Гродно. Более сорока лет работает в школе. В свободное время увлекается литературным творчеством. Пишет для детей и взрослых. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства. Автор более двухсот публикаций в журналах и альманахах, сорока книг, вышедших в государственных издательствах Беларуси; лауреат и дипломант (более пятидесяти) литературных, педагогических конкурсов республиканского и международного уровней.

Содержание

«Конец — это чье-то начало»	3
Рай на земле дается лишь избранным	10
Кто везет, на том и ездят	23
С милым рай и в шалаше	38
Не было бы счастья... ..	50
И так приятно возвращаться под крышу дома своего... ..	55
Лучшие друзья девушек — это бриллианты... ..	63
Не все коту масленица	69
Не родись красивым, а имей хороших соседей	77
Рыбак рыбака видит... ..	83
Семья — это тайна, покрытая браком	88
Одна голова хорошо, а семь — лучше... ..	95
Шерше ля фам, или Баба с возу — кобыле легче	108
О намерениях, устилающих некоторые дороги	123
У каждой нормальной семьи в шкафу найдется хотя бы один скелет ...	132
И на старуху бывает проруха	147
Сколько не крутись, а сзади все равно попа	153
«Обидишь друга — наживешь врага ты, врага обнимешь — друга обретешь»	166
«Всякая случайность есть лишь непознанная закономерность»	180
У каждого своя правда	193
Эпилог	226
<i>Об авторе</i>	238